

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2024-1-94-112>

О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ К РЕГУЛИРОВАНИЮ ЦИФРОВЫХ ЭКОСИСТЕМ

Е. Ф. Авдокушин

Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия

Дихотомия развития и регулирования цифровых экосистем привлекает внимание многих теоретиков и практиков за последние 10 лет. Возникновение и слабо регулируемое развитие электронных платформ и экосистем способствовало формированию новой модели бизнеса, которая не вписывалась в координаты правовых институтов функционирования традиционной экономики. В процессе своей экспансии цифровые платформы продемонстрировали ряд преимуществ перед традиционными моделями бизнеса с одновременным нарастанием своих фундаментальных недостатков. В статье раскрываются причины возникновения и быстрого развития цифровых экосистем, появления экосистемной зависимости. Анализируются плюсы и минусы функционирования экосистем, формирование их монополистической сущности, нарушение фундаментальных рыночных законов, факторы их деструктивного влияния на современную экономику, общество, потребителей. Представлены основные направления деятельности национальных регуляторов в США, ЕС, России.

Ключевые слова: цифровые экосистемы, электронные платформы, модели бизнеса, регулирование экосистем, диктатура платформ, добросовестная конкуренция, монополизация, регулирование маркетплейсов.

ON SOME APPROACHES TO REGULATING DIGITAL ECOSYSTEMS

Evgeny F. Avdokushin

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

The dichotomy of development and regulation of digital ecosystems has attracted the attention of many theorists and practitioners over the past 10 years. The emergence and poorly regulated development of electronic platforms and ecosystems contributed to the formation of a new business model that did not fit into the coordinates of the legal institutions of the functioning of the traditional economy. In the process of their expansion, digital platforms have demonstrated a number of advantages over traditional business models, while simultaneously increasing their fundamental disadvantages. The article reveals the causes of the emergence and rapid development of digital ecosystems, the phenomenon of ecosystem's dependence. The pros and cons of ecosystem's functioning, the formation of their monopolistic essence, the violation of fundamental market laws, and the factors of their destructive influence on the modern economy, society, and consumers are analyzed. The main directions of activity of national regulators in the USA, the EU, and Russia are presented.

Keywords: digital ecosystems, electronic platforms, business models, regulation of ecosystems, dictatorship of platforms, fair competition, monopolization, regulation of marketplaces.

Введение

Современная экономика – экономика глобальных перемен, которые назрели и имеют свои предпосылки и объективные причины. Эти перемены во многом инициируются императивами четвертой промышленной революции, прежде всего информационно-коммуникационными технологиями, процессами глобальной цифровизации. Одной из радикальных перемен в экономической теории и практике является широкое использование разного рода электронных (цифровых) платформ. По оценкам Международной организации труда, число цифровых платформ в мире в начале 2020 г. приблизилось к 800. К 2025 г. на цифровые платформы придется до 30% глобального ВВП (60 трлн долл.) [16]. По данным ЮНКТАД, мировыми лидерами в этой сфере являются США и Китай – 90% рыночной капитализации 70 крупнейших мировых цифровых платформ. Только на Microsoft, Apple, Amazon, Google (с Alphabet), Facebook, Tencent, Alibaba приходится две трети общей рыночной стоимости [4].

В рейтинге Fortune-500 в список ведущих 10 компаний в 2023 г. входили 2 экосистемных лидера: Amazon и Apple. К числу самых быстрорастущих экосистемных компаний относятся Alphabet, Meta Platforms (деятельность запрещена на территории Российской Федерации), JD.com (КНР), Amazon, Netflix. Быстрее всех растет капитализация экосистем США. За последние 10 лет (2012–2022 гг.) капитализация компаний выросла примерно в 10–15 раз. На втором месте экосистемы Китая – рост отдельных компаний в 5–8 раз за последние 10 лет [14].

Капитализация крупнейших платформенных экосистем превышает ВВП ряда стран, например, Республики Корея, Австралии или России. При этом ведущие роли среди этих экосистем играют Microsoft и Apple, капитализация которых находится в пределах 3 трлн долларов у каждой компании. Значительный рост ряда цифровых экосистем, нарастание их многообразной деятельности, влияния на экономику и общество во многих исследованиях стали называть революцией платформ. Это явление ряд экспертов считают уникальным и отчасти пугающим, поскольку определенные действия экосистем имеют явно токсичный характер. По мнению других исследователей этого явления, в определении «платформа» и механизме ее действия нет ничего революционного. В начале XXI в. уже использовалось понятие «европейские технологические платформы», которые в свою очередь не выходили за концептуальные рамки идеи Т. Веблена «Теория делового предприятия» (1904) [15].

К причинам бурного развития цифровых экосистем следует отнести благоприятное восприятие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) государствами, обществом и регуляторами, которые рассматривали все большую информатизацию и цифровизацию как инструмент становления новой экономики, отличной от экономики индустриальной.

стриальной эпохи. В результате формировалась комфортная среда для развития цифровых технологий и активного использования их компаниями – разного рода агрегаторами, цифровыми платформами и электронными экосистемами. Антимонопольное регулирование деятельности этих образований фактически отсутствовало, либо было в основном sporadическим. Цифровые платформы выпадали из системы антимонопольного регулирования регуляторов, действующих в координатах индустриальной экономики. Регулирующие органы в странах, где активно развивались ИКТ и цифровые платформы организации бизнеса, не успевали за практикой становления нового экономического уклада. Лишь после того, как лидеры цифровых платформ бросили вызов государству и обществу, стали переходить «красные линии» традиционных законов рынка, регулирующие органы развитых государств озаботились этими проблемами и стали предпринимать запретительные меры по купированию и сдерживанию основных негативных форм деятельности платформенных цифровых экосистем.

Основные особенности цифровых экосистем.

Их плюсы и минусы

Использование понятия «платформа» достаточно многообразно и в теории, и в практике современной экономики и общества. Тем не менее цифровые платформы, организационно-экономические модели которых используются в нарастающем объеме в современной бизнес-практике [1], действительно можно охарактеризовать как революцию платформ. Платформенная модель бизнеса становится перманентным мейнстримом в организации современного производства, финансов, торговли и других сфер традиционной экономики, превращая ее в реальную новую экономику, в отличие от абстрактной экономики знаний. Платформенная модель организации и функционирования бизнеса превалирует в цифровизирующейся экономике. Ведущая якорная платформа становится доминантой формирующейся экосистемы, вокруг которой выстраиваются взаимодействующие с ней, взаимодополняемые платформы с разными сферами деятельности и функциями.

Специфическим критерием является множественность сторонних форм экономической деятельности, не входящих в основную компетенцию головной платформы экосистемы якорной платформы. В соответствии с данными компании BCG, экосистемы имеют от 3 до 40 партнерских компаний, при среднем их количестве – 27 [7]. Платформенная модель позволяет партнерским компаниям, находящимся в орбите экосистемы, опираться на нее и способствует постоянному росту числа своих клиентов для создания и приумножения сетевого эффекта экосистемной компании.

Специфическим критерием экосистем также является тесная внутренняя интеграция основных производств и сервисов головной (якорной) платформы с ее непрофильным бизнесом. Экосистемная организация эффективно интегрирует хозяйствующие единицы в рамках ее механизма: если в одних из них обнаруживается снижение прибыльности или ее отсутствие, а в других – успехи в этом направлении, то в целом они приносят интегрированный положительный итог функционирования для всей экосистемы.

Модели экосистем многообразны, они формируются как на микроуровне, так и на мезо- и глобальном уровне. Широкое распространение организационно-экономических моделей цифровых платформ переросло в консолидированную форму экосистем, способствуя их определяющей роли в современной экономике и обществе. Как свидетельствует история развития человеческого общества, после революции наступает период диктатуры победивших. По мнению многих исследователей, деятельность платформенных экосистем стремится к монополизму и наступает диктатура платформ [11].

Цифровые экосистемы, будучи интегрированной платформенной организацией бизнеса, вносят значительный вклад в экономику, в повседневную жизнь, делая ее более насыщенной, комфортной, мобильной. Они создают новый организационный механизм повышения производительности труда, порождают социальную энергию, заблокированную в транзакциях обмена, и ряд других плюсов и преимуществ по сравнению с традиционными моделями бизнеса. Однако при всех плюсах модель экосистемы определяется движением к монополизации. По мнению английского исследователя платформ Н. Срничека, «тенденция к монополизации встроена в ДНК платформы» [13. – С. 85]. При этом монополизм деятельности экосистем проявляется в большинстве сфер социально-экономической и даже политической жизни.

Платформенная модель – это не только эффективная бизнес-модель в условиях тотального развития ИКТ. Это и новая система отношений между компаниями, трудом и капиталом, монополией и конкуренцией, финансовым и нефинансовым секторами, человеком и природой.

Обычный потребитель, как правило, находится в неравноправном взаимодействии с платформой и подчиняется сетевым алгоритмам, настроенным на извлечение максимальной прибыли экосистемой, за счет наращивания кинетической энергии (энергии взаимодействия). Экосистемы нацелены на тотальный контроль доступа к благам и, соответственно, способны предсказывать или искусственно формировать спрос на них. Исследования деятельности цифровых платформ показывают, что, пользуясь своим монопольным положением, они осуществляют «мягкое подталкивание» потребителей к использованию своих товаров и

услуг. В результате это ведет не просто к привязке потребителей к продукции экосистем, но и к сокращению их общего благосостояния [6].

Платформенные компании в своей интегрированной форме экосистем начинают выступать как новый субъект влияния на экономику и общество, поскольку не только управляют данными, но и через них начинают управлять пользователями. Возникает проблема навязывания мнений, предпочтений, образов поведения и использования товаров, услуг. Стремление экосистем стать всеобъемлющими в удовлетворении запросов потребителей обнаруживает тренд на новый тоталитаризм, ограничивающий пространство свободного поведения пользователей. Подобные действия нарушают постулаты добросовестной конкуренции, искажают принципы рынка, когда не потребительский спрос определяет предложение, а платформа диктует потребителю тот или иной товар и услугу. Информационный монополизм позволяет цензурировать высказывания, исказить позиции общественных деятелей, формировать общественное мнение в своих интересах.

Сущность рынка определяется его функциями и одна из его определяющих функций – это его информационность. Рынок предоставляет информацию о товарах и услугах, о его конъюнктуре и др. Информационная монополия на рынке ведет к эрозии его сущности, его перерождению. Нарушается баланс между свободой предпринимательства и свободой потребительского выбора. Корыстные интересы экосистем преподносятся «неразумному» потребителю, тонущему в океане рыночной информации, как полезный инструмент для достижения общественного блага, инструмент, с помощью которого демонстрируется правильный выбор его поведения.

К настоящему времени проблемы и негативные тенденции развития цифровых экосистем (как и их несомненные достоинства) представлены достаточно объемно. О их положительных эффектах написано достаточно много восторженных статей. Вместе с тем многие положительные аспекты деятельности экосистем в большинстве случаев идут рука об руку с их отрицательными эффектами как для внешних потребителей товаров и услуг, так и для работников, занятых в структурах экосистем.

Взрывной рост цифровых и иных технологий четвертой промышленной революции привел к разрыву между динамикой их развития и оценкой их воздействия на реальную экономику, общественную жизнь, сферу законодательства. Цифровизация экономики и общества способствовала одному из самых высоких уровней монополизации и концентрации рыночной власти в новейшей истории капитализма. В результате правительства многих стран, где экосистемы получили существенное развитие и влияние, серьезно озаботились их регулированием. Внимание к необходимости эффективного регулирования цифровых экосистем вызывалось прежде всего тем, что их слабо контролируемое функционирование

может привести к подмене традиционных ценностей, усилению психологии потребительского общества и, как следствие, к деградации общества. [5]. Кроме того, многие сторонники жесткого регулирования экосистем указывали на проблемы цифровой безопасности, утечки и манипулирования данными о потребителях, находящимися в ведении экосистем, а также ценовую дискриминацию, искажение рыночной конкуренции и других основ свободного рынка.

В итоге в США, ЕС, Китае, России были приняты разного рода законодательные акты, а также разрабатывается ряд мер по ограничению и предупреждению негативных тенденций вследствие развития цифровых экосистем.

Регулирование экосистем в США и ЕС

ИКТ-революция и последующая четвертая промышленная революция с ее ядром – тотальной цифровизацией – это практически бесконтрольный период формирования и развития новых монополий в высокотехнологичной, финансовой, торговой сферах.

Следует заметить, что борьба с монополиями является определяющим постулатом экономической политики США. В основе этой политики лежит так называемый акт Шермана (Sherman Act), первый антимонопольный акт США. Акт объявлял преступлением любое препятствование свободе торговли посредством сговора или создания треста. Акт был направлен против растущего влияния крупного бизнеса, противопоставлявшего свою власть гегемонии правительства США. Этот Акт охладил амбиции американских крупных корпораций, прежде всего в сырьевых отраслях и военно-промышленном комплексе. От быстроразвивающихся доткомов и других высокотехнологичных компаний, видимо, не ожидали существенной угрозы монополизации и тем более вызовов центральной власти. И дело здесь даже не только в том, что регулирующие органы не успевают реагировать на многие изменения, диктуемые и реализуемые в рамках современного НТП.

С 1980-х гг. в развитых странах наблюдается ослабление антимонопольного регулирования. Это регулирование основывалось на принципе либеральной Чикагской школы экономики (США), в соответствии с которым оно должно применяться только тогда, когда монополизация прямо сказывается на благосостоянии потребителей. Низкая или нулевая цена большинства услуг для потребителей, а тем более выгода для них стали основой либеральной политики для возникающих платформенных компаний в нулевые годы XXI в. Возникла концепция неolibertарианства в сфере информационных технологий, в соответствии с которой IT-компании квалифицировали себя как структуры, свободные от госконтроля. Свободу от регулирования они объясняли тем, что их бизнес является социально ответственным и способен к саморегулированию.

На начальном этапе формирование платформенных компаний и их экосистемной организации вызывало бурю восторженных откликов, именовавших их корпорациями добра. А такая экосистема бигтехнологий, как Google, позиционировала себя под неофициальным слоганом «не будь злом». А у конгломерата Alphabet, который был поглощен Google, этот слоган звучал «делай правильные вещи». Однако весной 2018 г. эти слоганы исчезли из кодекса объединенной компании. Деятельность Google и подобных ей экосистем вызывала все больше нареканий, компания подверглась штрафам за нарушение добросовестной конкуренции и других действий монополистического характера. Конгресс США признал, что такие платформенные компании, как Google, Amazon, Apple, Facebook, превратились в «монополии, каких мы не знали со времен нефтяных баронов и железнодорожных магнатов» [8].

Власти США и ЕС начали использовать антимонопольное законодательство для контроля за нарастающей экспансией экосистем. Первые попытки такого регулирования датируются 2009 г. В 2019–2020 гг. Министерство юстиции США провело ряд антитрестовских расследований в отношении так называемой Большой четверки компаний-экосистем: Alphabet (Google), Facebook, Apple и Amazon.

Регулирование экосистем в США

С начала 1920-х гг. американские регуляторы наращивают давление на свои цифровые экосистемы. В конце мая 2021 г. были закончены 3-недельные слушания в штате Калифорния в отношении компании Apple по антимонопольному иску к ней со стороны другой американской компании. В итоге компания Apple была приговорена к штрафу.

Другая американская компания, крупнейший в мире маркетплейс Amazon, также подверглась обвинениям в монополизме – на нее был подан иск прокурором в округе Колумбия. Этот иск стал уже шестым антимонопольным иском, поданным против цифровых экосистем за один год. Суть последнего иска состояла в том, что Amazon запрещает участникам маркетплейса продавать товары на других площадках по ценам ниже, чем Amazon. А компания Apple запрещала разработчикам встраивать в приложение любые способы оплаты, кроме ApplePay. Кроме Amazon и Apple, американские регуляторы преследуют компании бигтехнов (big tech). В настоящее время в США компании онлайн-торговли, разного рода электронные агрегаторы, цифровые экосистемы находятся под контролем антимонопольного законодательства, федеральной торговой комиссии и других правительственных учреждений.

В США в 2021 г. юридическим комитетом палаты представителей Конгресса был представлен отчет, в котором Amazon, Apple, Google и Facebook обвинялись в монополизме. Этот отчет стал основанием для разработки законопроектов, ограничивающих деятельность крупнейших

бигтехов США. Аргументируя свои обвинения в монополизме этих компаний, составители отчета указывали на то, что Amazon намеренно создает конфликт интересов, предлагая на одном сайте собственную продукцию и товары сторонних продавцов.

Компания Apple заняла монополистическое положение на рынке путем установки собственного программного обеспечения на свои устройства, а также не дает пользователям возможность устанавливать собственные приложения из других источников помимо Apple Store. В свою очередь Facebook заняла монопольное положение на рынке социальных сетей путем агрессивного поглощения конкурентов и разработки аналогов их популярных сервисов. В результате все эти 4 бигтеха получили монополистическую власть над существенными сегментами экономики США.

В качестве ограничения монопольной власти бигтехов предлагаются меры по разделению компаний вплоть до запрета на ведение бизнеса в одной области. Кроме того, было предложено провести реформу антимонопольного законодательства и расширить полномочия антимонопольных органов в отношении запрета поглощения конкурентов¹.

В сентябре 2023 г. началась юридическая борьба между правительством США и компанией Google, обвиняемой в нарушении принципов добросовестной конкуренции. Google обвинялась в том, что платила создателям операционных систем и производителям мобильных телефонов и других устройств за то, чтобы Google Search был заранее предустановлен в их устройствах, а также совмещен с той или иной операционной системой. Эти действия фактически приводили к монопольному положению Google на рынке, что позволяло вытеснять конкурентов с рынка и препятствовать инновациям, нанося ущерб интересам потребителей [12; 17]. До этого подобное расследование велось в отношении компании Microsoft, которую в результате оштрафовали на многомиллиардную сумму.

Помимо противодействия монополизму четверки крупных бигтехов, в США осуществляется контроль за деятельностью одного из крупнейших в мире маркетплейсов – Amazon. Как отмечают многие СМИ, Amazon является ветераном судебных разбирательств. Основные претензии к Amazon во многом те же, что и к четверке бигтехов США – злоупотребление доминирующим положением. В частности, компания принуждает продавцов к соглашениям, которые искусственно повышают цены, устанавливают довольно высокие комиссии за доступ на маркетплейс, вследствие чего продавцы не могут предлагать на площадке реальные цены. В результате Amazon был вынужден заплатить ряд штрафов и изменить некоторые методы ведения бизнеса. Подобные претен-

¹ Сообщение агентства Reuters // Ведомости. – 2021. – 15 апреля. – URL: [www.reuters.com>legal/why-isus](https://www.reuters.com/legal/why-isus)

зии к деятельности Amazon были предъявлены и в Германии, и других странах. Общий тренд в претензиях к компании по всему миру, где оперирует Amazon, – необходимость изменения ценовой политики для снижения цен на рынке.

Регулирование экосистем в Европе

В ЕС монополиями считают компании, у которых рыночная доля составляет 40%. В отношении электронных платформ в этой интеграционной группировке ведутся целенаправленные действия по сдерживанию их монополизма. Еще в 2000 г. был принят ряд документов, регулирующих электронную торговлю, в частности, запрет на блокировку доступа пользователей онлайн-магазинов к тому или иному сайту на основании его местонахождения. Регуляторы ЕС не раз накладывали миллионные и миллиардные штрафы на американские бигтехи. Еврокомиссия особое внимание уделила регулированию деятельности телекоммуникационной сферы. Было предложено усилить регулирование прозрачности механизмов поисковиков, ценовой политики различных онлайн-сервисов, использования персональных данных, которые аккумулируются электронными агрегаторами и другими платформенными компаниями.

Так, регулятор в Нидерландах штрафовал компанию Apple 10 раз, пока та не разработала удовлетворяющие власти этой страны правила в отношении проведения платежей в мобильных приложениях. В России компания Apple с 2019 г. начала ограничивать дистрибуцию приложений, которые, по мнению компании, дублировали функционал. Эти действия затронули легитимность инструмента родительского контроля Kaspersky Safe Kids, подавшей жалобу в ФАС. Российский регулятор выдал соответствующее предписание по устранению введенного Apple ограничения на распространение приложений в целом [9]. В результате Apple оплатила штраф в 906 млн рублей.

Следует отметить, что в ноябре 2022 г. в ЕС был принят Закон о цифровых рынках (ДМА), вступивший в силу в марте 2024 г. Закон о цифровых технологиях (ДМА) распространяется на 22 сервиса шести компаний – Alphabet (владеет Google), Amazon, Apple, Byte Dance (владеет TikTok), Meta Platform (признана экстремистской и запрещена в Российской Федерации) владеет Facebook и Instagram) и Microsoft. К числу сервисов, попавших под регулирование, относятся платформы Android, iOS и Windows, браузеры Chrome и Safari, поиск Google, соцсети TikTok, Facebook, Instagram и LinkedIn, видеосервис YouTube, мессенджер Meta и WhatsApp, магазины приложений AppStore и др.

Компании, попавшие в список, должны обмениваться данными с конкурентами, предоставлять пользователям доступ к сгенерированным ими данным. Им запрещается заниматься антиконкурентной практикой, давать преференции собственным продуктам и сервисам, ограничивать

взаимодействие потребителей за пределами своих платформ и др. За нарушение штраф – 10% от мирового оборота компании и 20% при повторном нарушении. Основная цель DMA – обеспечить соблюдение антимонопольного законодательства в ЕС, предотвратить злоупотребление своей рыночной властью.

Нормы этого Закона диктуют порядок, по которому должна действовать, например, компания Apple в отношении системы iOS. Однако даже с изменениями, действующими только в ЕС, iOS не позволяет устанавливать сторонние приложения так же свободно, как Android. Разработчики приложений должны публиковаться в одном из альтернативных магазинов, а их создатели обладать аккредитивом в 1 млн евро и платить Apple отчисления за использование базовых технологий. Помимо этих условий, Apple ставит перед разработчиками еще ряд других [10].

В ЕС была также оштрафована компания Alphabet (владелица Google) за действия на рынке интернет-рекламы. Компания Alphabet, будучи владелицей еще и операционной системы Android, создала эффективный механизм перекрестной рекламы, когда две компании одного и того же владельца хвалят друг друга. Как следствие, это приводило к уменьшению роли конкурентных предложений.

В Великобритании создано специальное ведомство для регулирования деятельности двух американских корпораций Google и Facebook. Хотя эти корпорации вносят значительный вклад в экономику Британии и играют важную роль в повседневной жизни, доминирование нескольких бигтехов ведет к сокращению инноваций, росту цен на рекламу, а у потребителей сокращается выбор и контроль. Режим цифрового рынка, который будет устанавливаться и поддерживаться специальным ведомством, нацелен на развитие конкуренции, расширение выбора потребителей и гарантию того, что небольшие компании не будут вытеснены с рынка.

В ЕС в 2020 г. вышла серия законодательных инициатив, нацеленных на существенное обновление европейского антимонопольного законодательства для учета особенностей цифровой экономики. Следует отметить и то, что в Китае впервые в истории национального антимонопольного права начались расследования против ведущих китайских экосистем, включая Alibaba, Tencent и др.

На международном уровне среди направлений регулирования деятельности электронных платформ была выделена проблема справедливого налогообложения. В некоторых странах, как отмечают эксперты ОЭСР, платформенные компании полностью освобождены от уплаты НДС, в то время как традиционный бизнес такой налог платит. ОЭСР предлагает усилить налоговое регулирование деятельности цифровых платформ, учитывая их возрастающую роль в современной экономике

как организаторов экономического взаимодействия, включая шеринг и gig-экономики.

Регулирование электронных экосистем и платформ в России

Процесс формирования экосистем в России и за рубежом имеет существенные отличия. В США, например, экосистемы формируются вокруг крупных технологических компаний разной отраслевой принадлежности, а в России – вокруг крупных банков. В США финансовая сфера подчиняется антимонопольному законодательству. Еще в 1956 г. в США был введен запрет на нефинансовую деятельность финансовых компаний, поэтому экосистемы там «вырастают» не из банков, а из бигтехов. В России на первом плане находятся финансовые экосистемы.

К другим отличиям следует отнести то, что российские экосистемы чаще, чем зарубежные, развиваются по горизонтальному или комплексному сценарию. Поэтому они конкурируют между собой на ряде отраслевых рынках.

Следует отметить, что за рубежом экосистемы жестко конкурируют между собой. Примером такой конкуренции является противопоставление компании Meta (запрещена в России) и компании Twitter И. Маска. Попытки владельца Meta М. Цукерберга захватить сегмент бизнеса И. Маска оказались неудачными. Но эта борьба, в отличие от российской практики конкурентной борьбы, направлена не на захват периферийных ниш бизнеса, а на вытеснение противника с его основной «поляны» бизнеса.

Еще одним отличием российских экосистем от зарубежных является то, что в России действуют сильные национальные экосистемные компании. Причем для многих из них создание экосистемы – естественное расширение своего профильного бизнеса. Поэтому особенностью российского рынка в современных условиях становится не протекционизм иностранных компаний, а стимулирование развития рынка как такового. Поскольку в России на первом плане находятся финансовые экосистемы, то к ним и привлечено основное внимание регулирующих органов.

В апреле 2020 г. Центральный банк Российской Федерации опубликовал свои предложения для публичного обсуждения по регулированию деятельности экосистем в России, основные из которых заключались в следующем: 1) ввести требование о построении открытой модели экосистемы в отношении доминирующих участников рынка; 2) установить контроль ФАС за долей рынка доминирующей экосистемы и/или ее элементов в отдельных сегментах рынка; 3) уделить особое внимание сделкам слияния и поглощения доминирующих экосистем, в том числе в сфере технологических компаний.

В 2021 г. Банк России обнародовал доклад «Экосистемы: подходы к регулированию»¹. В докладе, предложенном для общественного обсуждения, указывалось, что внедрение в экономику и общественную жизнь модели экосистем требует модернизации антимонопольного и трудового законодательства, закона об информации и других нормативных актов. Банк России отмечал, что неконтролируемое развитие экосистем способно привести к риску неправомерного использования персональных данных клиентов, снижению уровня информационной безопасности и защиты от мошенничества, риску ценовой дискриминации и др. Несмотря на негативную реакцию ряда крупнейших российских банков-экосистем, большинство участников российского рынка считают требования регулятора своевременными и справедливыми.

В июне 2021 г. Банк России опубликовал еще один доклад «Регулирование рисков участия банков в экосистемах и вложений в иммобилизованные активы»². Хотя основной упор в докладах Банка России был сделан на финансовый сектор, методологический подход справедлив и по отношению к нефинансовому сектору – торговым и технологическим российским экосистемам.

Вместе с тем, по мнению некоторых экспертов, оба типа экосистем имеют свою существенную специфику и требуют их законодательного разделения, установления классифицирующих признаков и соответствующего инструментария для каждого сегмента. Так, если в США и ЕС цифровые платформы (например, Uber) обязывают выполнять нормы закона, в частности признавать себя работодателями, то в России цифровые платформы стремятся освободиться от ограничений и требуют нового законодательства, где они будут квалифицированы не как работодатели, а как организаторы рынка.

Несомненно, специфика финансовых и нефинансовых экосистем имеет место, однако законы рынка – добросовестная конкуренция, противостояние монополиям, манипулированию ценами, защита прав потребителя и т. д. – являются общими для всех его участников и должны неукоснительно выполняться. Конечно, требуется и более гибкое, сбалансированное регулирование с учетом имеющихся особенностей развития финансовых и нефинансовых экосистем.

В свою очередь Минэкономразвития России в Концепции общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной экосистемы, обнародовало собственное видение проблемы регулирования цифровых экосистем. В Концепции закрепились термины «цифровые платформы» и «экосистемы». Однако после этого инициатив по этому вопросу от Минэкономразвития России не было и проект так и остался проектом.

¹ URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf

² URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/123688/Consultation_Paper_23062021.pdf

Следует констатировать, что процесс формирования инструментария регулирования экосистем и иных платформ в России движется в целом весьма неспешно. По прошествии пяти лет после начала обсуждения (2018 г.) Госдума приняла только в первом чтении новую версию пятого антимонопольного пакета, который регулирует работу цифровых платформ в России. В настоящее время под действие законопроекта подпадают практически все основные маркетплейсы – Ozon, Wildberries, «Яндекс.Маркет», «Сбер-маркет» и др., а также агрегаторы услуг такси – «Яндекс.Такси», «Ситимобил» и др. Формально туда могут попасть и другие агрегаторы, например Headhunter (агрегатор портфолио и вакансий), Auto.ru (агрегатор объявлений о продаже автомобилей), «Циан», Bank.ru и многие другие. Под регулирование могут попасть компании, которые будут признаны доминирующими на рынке, в случае если: 1) доля сделок на платформе превышает 35% от их общего объема на рынке; 2) годовая выручка компании превышает 2 млрд рублей; 3) компания оказывает существенное влияние на смежные рынки с помощью сетевого эффекта. Эти критерии многим экспертам не до конца понятны, поэтому в стране на различных экспертных площадках проходят обсуждения проблем регулирования экосистем.

Помимо Банка России, Минэкономразвития России, ФАС разработкой инструментов регулирования занимаются АНО «Цифровая экономика», определившая комплекс мер по устранению рисков навязывания услуг со стороны цифровых экосистем и других платформенных компаний. Фактически – это один из вариантов ограничения деятельности «колдунщиков», подталкивающих потребителя на рыночные площадки, выгодные экосистемам. Меры по регулированию цифровых экосистем сформированы в рамках работы круглых столов, которые проводила АНО «Цифровая экономика» по запросу Минэкономразвития с участием представителей всех крупных российских экосистем. Следует отметить и отчет Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара, вышедший в 2021 г., в котором была дана сравнительная характеристика зарубежных и российских экосистем и высказана своя точка зрения на регулирование последних [14].

Можно выделить две основные позиции среди российских экспертов по регулированию экосистем. Первая – это жесткая позиция таких государственных структур, как Банк России, ФАС, Роспотребнадзор, которые выступают за запретительные, ограничительные меры регулирования для того, чтобы в корне пресечь те или иные нарушения, негативные последствия в деятельности цифровых экосистем и платформ. Вместе с тем эти организации стремятся учитывать мнение бизнеса, корректируя наиболее радикальные требования к экосистемам.

Другой подход в регулировании экосистем состоит либо в отказе от их регулирования, либо в осуществлении саморегулирования. Так, глава

профильного комитета Госдумы А. Хинштейн, председатель Комитета Госдумы по информационной политике, информационным технологиям и связи заявил на Форуме цифровых экосистем (декабрь 2023 г.), что объектом регулирования должны стать некоторые моменты взаимодействия экосистем и цифровых платформ с потребителями, например, связанные с защитой персональных данных, а все остальное от лукавого.

Противники регулирования экосистем и платформ аргументируют свою точку зрения в основном неразвитостью, «детским» периодом их развития.

Российские цифровые экосистемы еще не раскрыли свой потенциал и пока находятся на начальном этапе своего развития. Чистая прибыль у них в 60 раз меньше, чем у мировых лидеров. Стоимость российских платформенных компаний составляет всего 0,76% от стоимости 100 крупнейших платформенных компаний мира [14]. Поэтому применять жесткие меры регулирования не следует, так как такие действия только затормозят формирование прогрессивных организаций бизнеса, отсекут от общемирового тренда на развитие цифровых форм предпринимательства.

Принимая во внимание аргументацию противников жесткого регулирования экосистем, следует заметить, что несмотря на свой юный возраст в своем развитии цифровые экосистемы (и выдающие себя за них) сумели продемонстрировать не только плюсы такой формы организации бизнеса, но и ряд недостатков, навредив и потребителям, и бизнесу [3]. И если этих «мажоров» не взять под законный контроль, оставив за ними право саморегулирования, то результат будет во многом похожий на те рецидивы, против которых сейчас борются в США, о чем говорилось выше.

В исследовании «Регулирование цифровых экосистем и платформ», подготовленном организацией «Цифровая экономика» показаны риски, которые могут проявиться в процессе развития экосистем в России. Эти риски сведены в 4 группы: обработка данных, конкуренция, государственное управление, защита прав потребителей. Все эти риски не являются фатальными, они могут быть нивелированы на основе регулирования, учитывающего интересы государства, бизнеса, потребителей.

Таким образом, к основным задачам регулирования экосистем относятся недопущение монополизации рынка при ограничении чрезмерного регулирования; защита прав потребителей в отношениях с цифровыми экосистемами; снижение киберрисков и повышение информационной безопасности.

Помимо нащупывания подходов к регулированию цифровых экосистем в России, активизировались попытки по регулированию платформенных компаний, в частности маркетплейсов. Это связано с тем, что два крупнейших маркетплейса в стране занимают 80% рынка. Кроме то-

го, маркетплейсы отмечены в навязывании магазинам или пунктам выдачи товаров своих правил. Практика работы маркетплейсов показывает, что с их стороны используются неоправданные штрафы, возможны задержки с возвратом денег и компенсаций по порче или потере товаров.

В сентябре 2023 г. в Госдуму были внесены поправки в законы «Об основах государственного регулирования торговой деятельности» и «О защите прав потребителей», в которых предлагалось юридически закрепить понятие маркетплейса и определить меры по регулированию их деятельности. В частности, они обязывают маркетплейсы фиксировать тарифы для продавцов на год вперед, запрещают отключать им доступ к личному кабинету в одностороннем порядке и др. Разработчики законопроекта обращают внимание на то, что маркетплейсы решают свои проблемы не за счет потребителей, а за счет курьеров, нарушая их трудовые права, за счет поставщиков товара на площадку, защищая свои марки, вводят разного рода штрафы.

В начале марта 2024 г. в Госдуму группой депутатов был внесен проект закона о регулировании деятельности маркетплейсов, которые в документе обозначены как агрегаторы информации о товарах. Проект определяет права и обязанности интернет-платформ, продавцов и владельцев пунктов выдачи заказов. Законопроект предлагает ввести общее регулирование деятельности агрегаторов информации о товарах, особенно тех, кто занимает более 20% на рынке.

В настоящее время к таким компаниям относятся Wildberries и Ozon (ФАС признала их коллективными монополистами с долей рынка в 80%). Этим компаниям предлагается запретить создавать дискриминационные условия и препятствия для доступа на рынок, навязывать не относящиеся к электронной торговле услуги, безвозмездно проводить распродажи товаров, за исключением собственных, запрещать деятельность контрагентов на других площадках и др.

Новый законопроект должен устранить те «белые пятна», которые были допущены в деятельности этих платформ изначально. Правовые нормы, определяющие деятельность цифровых экосистем и электронных платформ, должны отражать современные реалии и отвечать целям ответственного бизнеса и ожиданиям потребителя.

Заключение

Владельцы экосистем и цифровых платформ, пользуясь правовым вакуумом, возникшим в процессе быстрого развития цифровой экономики и внедрения на практике ряда ее понятий, положений, инструментов, стали активно злоупотреблять своим продвинутым цифровым положением (своеобразным цифровым разрывом), стремясь получить максимальные выгоды в своей деятельности. В условиях цифровой некомпетентности многих участников рынка, прикрываясь рядом действительно

положительных аспектов деятельности экосистем и других цифровых платформ, они ведут достаточно жесткую борьбу с попытками их регулирования, вовлечения в обновленное русло цифровой рыночной экономики. Многие дискуссии по поводу создания правовых основ для функционирования цифровых экосистем, платформ тонут в большом количестве общих и частных вопросов, юридических коллизий административного, гражданского права.

К настоящему времени ситуация с выработкой единой модели регулирования цифровых платформенных экосистем находится в стадии широкого обсуждения, поиска оптимальных, действенных решений, чтобы не навредить новой модели бизнеса в цифровой экономике. Следует признать, что и простые цифровые платформы, и экосистемы – достаточно сложные, нелинейные образования, требующие адекватного решения при выработке инструментария регулирования. Такой подход определяется тем, что в процессе становления и развития цифровой экономики происходит формирование новых субъектов цифрового гражданского оборота, заметно отличающихся от рыночных субъектов традиционной экономики. Поэтому требуется новая подотрасль как в экономической, так и в юридической науке по осуществлению адаптации правовых институтов к новым условиям правового регулирования, а также выработка новых подходов к регулированию появившихся субъектов цифрового гражданского оборота в условиях широкого применения цифровых технологий.

Развитие и регулирование цифровых экосистем и платформенной экономики – предмет обсуждения на многих ведущих международных форумах. Поиск подходов к систематизации и гармонизации деятельности глобальных регуляторов в отношении цифровых экосистем и платформ ведется, в частности, на площадках ООН. Каждая страна вырабатывает собственные подходы и инструменты регулирования цифровой экономики и электронных платформ. Их гармонизация – это еще одна важная проблема, которая требует особого внимания.

Список литературы

1. Авдокушин Е. Ф. Платформенная экономика как элемент современной новой экономики // Вопросы новой экономики. – 2019. – № 2. – С. 4–11.
2. Авдокушин Е. Ф. Развитие цифровых платформ в современной экономике // Вопросы новой экономики. – 2021. – № 2. – С. 4–13.
3. Авдокушин Е. Ф. Формирование и развитие цифровых экосистем // Вопросы новой экономики. – 2021. – № 4 (60). – С. 4–12.
4. Балабошина Д. Цифровые платформы привлекли внимание регуляторов // РБК+ Тематическое приложение к газете РБК. – 2021. – 29 июля.

5. Банки назвали главные угрозы бесконтрольного роста экосистем в России. – URL: <https://pro.rbc.ru/demo/60f575009a7947913db4e672?ysclid=le19uxhi5g592540070> (дата обращения: 31.01.2023).
6. Бутрин Д. Не толкать. «Мягкое подталкивание» объявлено опасным для общего благосостояния // Коммерсант. – 2023. – 16 января.
7. Бутрин Д. Физика цифрового пространства // Коммерсант. – 2019. – 28 июня.
8. Ведерина Е. Война Банка России против экосистем выходит на уровень правительства // Ведомости. – 2021. – 6 апреля. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/04/06/864701-voina-banka-rossii?vsclid=le19x9eboc23943375> (дата обращения: 31.01.2023).
9. Комментарий Ю. Литвиненко // Коммерсант. – 2003. – 8 февраля.
10. Литвиненко Ю., Тишина Ю., Жебин А. Россия перенимает опыт ЕС // Коммерсант. – 2024. – 26 февраля.
11. Манедьяров З. Диктатура платформ // Эксперт. – 2019. – № 28.
12. Пайо Ж. Антимонопольное законодательство США начало процесс века против Google. – URL: <https://inosmi.ru/20230921/google-265751623.html?ysclid=ludut04adz3289376>
13. Срничек Н. Капитализм платформ. – М. : Издательский дом ВШЭ, 2020.
14. Цифровые экосистемы в России: эволюция, типология, подходы к регулированию : отчет Института экономической политики имени Е. Т. Гайдара. – М., 2021.
15. Чернышев С. Парадигма Коуза // Эксперт. – 2022. – № 9.
16. Catlin T., Lorenz J. T., Nandan J., Sharma S., Waschto A. Insurance beyond digital: The rise of ecosystems and platform. – 2018. – 10 January. – URL: <https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/insurance-beyond-digital-the-rise-of-ecosystems-and-platforms#/>
17. Scarcello M. Explainer: Why is US Suing Google: for Antitrust Violations. – 2023. – September 11. – URL: <https://www.reuters.com/legal/why-is-us-suing-google-antitrust-violations-2023-09-11/>

References

1. Avdokushin E. F. Platformennaya ekonomika kak element sovremennoy novoy ekonomiki [Platform Economy as an Element of the Modern New Economy]. *Voprosy novoy ekonomiki* [Issues of the New Economy], 2019, No. 2, pp. 4–11. (In Russ.).
2. Avdokushin E. F. Razvitie tsifrovyykh platform v sovremennoy ekonomike [The Development of Digital Platforms in the Modern Economy]. *Voprosy novoy ekonomiki* [Issues of the New Economy], 2021. No. 2, pp. 4–13. (In Russ.).

3. Avdokushin E. F. Formirovanie i razvitie tsifrovyykh ekosistem [Formation and Development of Digital Ecosystems] // *Voprosy novoy ekonomiki* [Issues of the New Economy], 2021, No. 4 (60), pp. 4–12. (In Russ.).
4. Balaboshina D. Tsifrovye platformy privlekli vnimanie regulyatorov [Digital Platforms Have Attracted the Attention of Regulators], *RBK+ Tematicheskoe prilozhenie k gazete RBK* [RBC+ Thematic supplement to the RBC newspaper], 2021, July 29. (In Russ.).
5. Banki nazvali glavnye ugrozy beskontrolnogo rosta ekosistem v Rossii [Banks Named the Main Threats to the Uncontrolled Growth of Ecosystems in Russia]. (In Russ.). Available at: <https://pro.rbc.ru/demo/60f575009a7947913db4e672?ysclid=le19uxhi5g592540070> (accessed 31.01.2023).
6. Butrin D. Ne tolkat. «Myagkoe podtalkivanie» obyavleno opasnym dlya obshchego blagosostoyaniya [Don't Push. "Soft Nudging" Has Been Declared Dangerous for the General Welfare]. *Kommersant*, 2023, January 16. (In Russ.).
7. Butrin D. Fizika tsifrovogo prostranstva [The Physics of Digital Space]. *Kommersant*, 2019, June 28. (In Russ.).
8. Vederina E. Voyna Banka Rossii protiv ekosistem vykhodit na uroven pravitelstva [The Bank of Russia's War Against Ecosystems Reaches the Government Level]. *Vedomosti*, 2021, April 6. (In Russ.). Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/04/06/864701-voyna-banka-rossii?vsclid=le19x9eboc23943375> (accessed 31.01.2023).
9. Kommentariy Yu. Litvinenko [Comment by Y. Litvinenko]. *Kommersant*, 2003, February 8.
10. Litvinenko Yu., Tishina Yu., Zhebin A. Rossiya perenimaet opyt ES [Russia is Adopting the Experience of the EU]. *Kommersant*, 2024, February 26. (In Russ.).
11. Manedyarov Z. Diktatura platform [The Dictatorship of Platforms]. *The Expert*, 2019, No. 28. (In Russ.).
12. Payo Zh. Antimonopolnoe zakonodatelstvo SSHA nachalo protsess veka protiv Google [U.S. Antitrust Law Begins the Process of the Century Against Google] (In Russ.). Available at: <https://inosmi.ru/20230921/google-265751623.html?ysclid=ludut04adz3289376>
13. Srnichek N. Kapitalizm platform [Platform Capitalism]. Moscow, Izdatelskiy dom VSHE, 2020. (In Russ.).
14. Tsifrovye ekosistemy v Rossii: evolyutsiya, tipologiya, podkhody k regulirovaniyu : otchet Instituta ekonomicheskoy politiki imeni E. T. Gaydara. [Digital Ecosystems in Russia: Evolution, Typology, Approaches to Regulation] : Report of the Gaidar Institute for Economic Policy. Moscow, 2021. (In Russ.).
15. Chernyshev S. Paradigma Kouza [The Coase Paradigm]. *The Expert*, 2022, No. 9. (In Russ.).

16. Catlin T., Lorenz J. T., Nandan J., Sharma S., Waschto A. Insurance beyond digital: The rise of ecosystems and platform, 2018, January 10. Available at: <https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/insurance-beyond-digital-the-rise-of-ecosystems-and-platforms#/>

17. Scarcello M. Explainer: Why is US Suing Google: for Antitrust Violations, 2023, September 11. Available at: <https://www.reuters.com/legal/why-is-us-suing-google-antitrust-violations-2023-09-11/>

Сведения об авторе

Евгений Федорович Авдокушин
доктор экономических наук,
профессор МПГУ.
Адрес: ФГБОУ ВО «Московский
педагогический государственный
университет, 119991, Москва,
ул. Малая Пироговская, д. 1,
строение 1.
E-mail: aef2005@yandex.ru

Information about the author

Evgeny F. Avdokushin
Doctor of Economics, Professor
of MPGU.
Address: Moscow Pedagogical
State University, 1 building,
1 Malaya Pirogovskaya Street,
Moscow, 119991,
Russian Federation.
E-mail: aef2005@yandex.ru